

Марина  
Нефедова

# ЛЕСНИК И ЕГО НИМФА

РОМАН



«Красивая и острая книга о тяжелом взрослении  
и о милосердии». Людмила Улицкая

Марина Нефедова  
**Лесник и его нимфа**

«Никея»

2016

УДК 82-31  
ББК 84-44

**Нефедова М. Е.**

Лесник и его нимфа / М. Е. Нефедова — «Никея», 2016

ISBN 978-5-91761-568-4

Роман «Лесник и его нимфа» – это путешествие в мир московских хиппи восьмидесятых и в мир юношеского одиночества, это история выбора между творчеством и любовью, в которой «все становится другим, когда соприкасается со смертью». Главная героиня – талантливая девушка, «вторая Дженис Джоплин», как о ней говорят. «Плохая девочка», которая, несмотря на бесконечные метания, в критической ситуации оказывается настоящим человеком. Свет, нежность, болезнь, отчаяние, вера – книга эмоционально насыщена, написана ярким языком, ее герои – живые, в них легко поверить. Это честная и вдохновляющая история любви, которая не может оставить равнодушным.

УДК 82-31

ББК 84-44

ISBN 978-5-91761-568-4

© Нефедова М. Е., 2016

© Никея, 2016

# Содержание

От редакции	5
Часть I	7
Глава 1	7
Глава 2	15
Глава 3	23
Глава 4	27
Конец ознакомительного фрагмента.	33

## От редакции

*Love is not a victory march,  
It's a cold and it's a broken Hallelujah.*

*(Любовь – это не победный марш, Это холодное и разбитое аллилуйя.) Песня Леонарда Козна «Аллилуйя»*

## От редакции

Была «Дикая собака динго». Были «Два капитана». Но это когда написано и про какое время... Позже еще молодой Аксенов сочинял что-то прекрасное про юность и любовь, и Искандер. А потом в современной литературе на эту тему – тишина. Полный вакуум. Даже обидно – нам уже по сорок лет, а про нашу молодость, про наши чувства и поступки, про то, как мы жили, что слушали и читали, вообще про наше поколение – почему-то ничего. Что мы, не любили? Не дружили, не горевали? Не задыхались от окружающего маразма? И кроме «Generation „П“», про нас и написать нечего?

И вот наконец нашелся человек, написал.

Про юную сложную талантливую девочку Литу, ее друзей, ее любовь, ее музыку, про Москву середины и конца 80-х. Да как написал! Словно вновь оказываешься в том времени, спускаешься в грязный московский переход, видишь этих худых, бледных ребят в джинсах, с длинными волосами, фенечками и гитарами, и среди них девочку с голосом Дженис Джоплин и застывшим одиночеством в глазах. Они поют в переходе, пьют дешевый портвейн, все время курят, прогуливают школу, университет, мотаются «стопом» и поездом в Питер на флэтовые концерты, не ладят с родителями, уходят из дома.

И еще они никому не верят. Ну, или почти никому. Взрослый мир фальшив в силу идеологии и враждебен в силу возраста. И сер. Чудовищно, однообразно сер. Поэтому так привлекают крыши. Там много неба, оттуда и город немного цветнее, а если еще вымазать лицо зеленкой, как это делает Лита, тогда вообще можно хотя бы на время нарушить, прервать триумфальное шествие серого, и наплевать, кто что подумает. Главное, чтобы он ее понял – тот, кто стоит рядом с ней на крыше, Лесник. Кто зацепил по-настоящему, хоть он совсем и не хиппи, кто ломает стереотипы, потому что, оказывается, он любит серый цвет, и кому, наконец, не страшно поверить. Однако жизнь непредсказуема, и очевидное вдруг становится невероятным, и судьба может изменить свой вектор за один день. Как замечательно сказал о книге священник и поэт Сергей Круглов: «Вспомним миф о пещере, рассказанный Платоном: там всегда сумрак, истина проступает только в виде смутных теней на стенах; те, кто родился и живет в пещере, не могут даже помыслить, что существует свет за ее пределами. Тот, кто попытается найти выход, непременно обретет его, но первая встреча со светом будет для него, полуслеплого уроженца темноты, подобна ослепительной смерти... Путь героини романа Марины Нефедовой – поиск выхода из пещеры теней к свету, путь души сквозь многообразное умирание жизни временной, земной, со всеми поворотами так называемой „судьбы“, которые человек так хочет просчитать, предугадать, но никогда не может, – к жизни вечной. К жизни, которая обретается через любовь. Это – роман о любви. О той самой, о которой сказал апостол Павел в Первом послании к Коринфянам: „Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит“».

Написанная Мариной Нефедовой история пробивает насквозь, оглушает искренностью. Как точно сказал главный редактор «Никеи» Владимир Лучанинов, она «производит какое-то феерическое впечатление, извлекая пиковые переживания прямо из подсознания». Такое случается редко, но с этой книгой произошло: мы всей редакцией совершенно единодушно и бесповоротно полюбили ее.

## Часть I

### Глава 1

\* \* \*

Когда Лите исполнилось семнадцать лет, мама устроила ей день рождения, пригласив на него родственников и знакомых. Никаких приятелей! Именинница была удивительно сговорчива, только сказала: «Ты опять приглашала своих друзей на мой день рождения?..»

Но больше возражений не было. Лита с каменным лицом отсидела за столом в окружении мамы, ее друга жизни Сергея Ивановича, маминой подруги Ларисы, своей тети, двоюродной сестры и двоюродной тети из Ленинграда с мужем, и даже под всеобщее одобрение задула семнадцать свечек.

День рождения, казалось, удался и уже близился к концу, когда Лариса вдруг ляпнула:

– Лидка, а скажи нам, какое у тебя самое заветное желание?

Мама с ужасом посмотрела на Ларису, но та была немножко пьяная и ничего не заметила.

– Нет, я не поверю, что в семнадцать лет у девушки нет заветного желания. Ладно, можешь не говорить его вслух. А мы за него выпьем. За его исполнение. Правда? – Лариса разошлась. – Наливайте! Выпьем за исполнение желаний в семнадцать лет!

Все выпили, улыбаясь и поддакивая.

– Ну, Лид, может, скажешь, за что мы пили, а? – не унималась Лариса. – Ну, чего ты больше всего сейчас хочешь?

И тут Лита, которая молчала весь свой день рождения и ни разу даже не улыбнулась, вдруг произнесла:

– Хорошо, я скажу, если вам так хочется.

Все замолчали и почему-то напряглись. Лита посмотрела в окно, потом на торт с остатками свечек, потом на Ларису и спокойно сказала:

– Я хочу, чтобы меня не было. Нет, не то чтобы я умерла, а просто не было. Никогда.

\* \* \*

В общем, все оказалось напрасно. Подростковое отделение психиатрической больницы, из которого Литу только что выписали и где она летом, в жару, провела почти три месяца, похоже, не очень ей помогло.

На следующее после идиотского дня рождения утро за Литой заехал ее приятель Кремп, и после недолгих колебаний она оставила маме записку и укатила с Кремпом автостопом в Крым. До школы оставалась еще неделя.

К первому сентября, когда весь десятый «Б» пришел первый раз в свой последний класс, Лита не вернулась. Вернулась только к пятому. Прямо с поезда, в который они вписались пятнадцать человек на десять билетов, в джинсах и с гитарой, но без учебников и тетрадей, она заявила на уроки.

Классная Зинаида Петровна, в обиходе десятиклассников – Зинка, которая Литу за что-то любила, после химии отозвала ее и сказала:

– Лид, пожалей себя, а?

Зинка знала про психушку. Лита ничего ей не ответила, но была благодарна. Зина была чуткая тетка. Она понимала больше других.

\* \* \*

Литино безоблачное, как всем казалось, детство протекало в одном из арбатских переулков, в коммуналке на восемь семей. На самом деле ее звали Лида Литовченко. Имя свое она ненавидела, поэтому из имени и фамилии получилась Лита. Лет с тринадцати она себя называла только так. Родители были людьми обыкновенными: мама – фармацевт и папа – младший научный сотрудник из НИИ. Самой заветной их мечтой была мечта об отдельной квартире. У Лидочки было детсадовское младенчество и пионерское детство. В целом о детстве у нее остались воспоминания приятные. Родители тогда еще, кажется, любили друг друга, их большая квартира была целым миром с огромным коридором, по которому можно было кататься на велосипеде, если там не спал пьяный сосед, в длинном узком туалете находилось наглухо заколоченное окошко в соседний подъезд, а ванная была хоть и ржавая, но зато на львиных ножках. И воздух старинного московского особняка, которым Лита дышала с рождения, был особым.

Она была впечатлительной девочкой, но очень скрытной. Поэтому снаружи все было нормально, училась Лидочка хорошо и была в меру послушной. К тому же она подавала большие надежды в музыкальной школе. Мама всегда мечтала, чтобы ее дочь стала музыкантом. Поэтому Лидочку в шесть лет отдали учиться музыке. И дальше каждый день, даже летом в каникулы, чтобы не потерять навык, три часа занятий были обязательными. Соседям по коммуналке пришлось смириться. Из нее делали серьезную пианистку. Правда, руководитель хора говорила, что из Лидочки выйдет прекрасная вокалистка. У нее оказался замечательный голос. Но мама больше хотела пианистку.

Хотя пение – тоже хорошо. Лидочка была в хоре солисткой. Она стояла перед хором, в косичках у нее было по большому белому банту, и она чистым голосом пела про Алешу, который стоял над горю... Лидочка пела, и маме в зале в эти минуты казалось, что жизнь удалась.

\* \* \*

– Алло, Кремп! Слушай, у меня тут все очень стремно. Мне нужно передать лекарства одной матушкиной знакомой. Должен кто-то от нее прийти. А его все нет. Нет, я не могу уйти. У нас вчера был очередной скандал. А знакомая, кажется, достает матушке билеты на поезд... А, Кремп, Кремп, слушай, кажется, кто-то вышел из лифта. Кремп, если ты меня не дождешься, я тебя убью. Все, привет.

Лита уже минут сорок провела в ожидании, она опаздывала, коробка с лекарством для маминой знакомой – а мама всем знакомым доставала лекарства, они же, в свою очередь, платили ей тем, что тоже что-то доставали, – так вот, эта коробка ломала все ее планы. Она открыла дверь и увидела длинного молодого человека, который собирался позвонить в их звонок.

– Здравсьте... – Лита смерила его мрачным взглядом. Вид у него был а-ля нищий студент. – Вы чуть не остались без ваших «колес».

– Здравствуйте, – сказал он, похуже, не испытывая никаких угрызений совести, как будто не он украл у Литы драгоценное время. – Я от Екатерины Георгиевны...

– Я догадалась...

– Простите, виноват. Я почему-то никак не мог найти ваш дом...

«Потому что ты придурок...» – про себя сказала Лита.

Она зашла на секунду в квартиру за лекарством и гитарой.

– Извините, пригласить вас не могу. – Она захлопнула дверь у него перед носом, отдавая коробку. – Спешу! До свидания!

И, не слушая, что он ответит, поскакала вниз по лестнице, прыгая через ступеньки.

Уже выйдя на улицу, она вспомнила, что не взяла у него деньги за лекарство, рубль тридцать, что ли, или рубль пятьдесят. Она посмотрела в проем подъезда, подождала секунды три, потом развернулась и быстро пошла к метро. Ладно, деньги можно будет забрать и потом.

\* \* \*

Все рухнуло в один год, который так хорошо начинался: их семья наконец-то получила отдельную двухкомнатную квартиру в доме на Шаболовской.

Лита тогда училась в шестом классе. Мама была счастлива, папа тоже – он никогда не уклонялся от маминого курса. Для Литы же это событие стало почти катастрофой. Она страшно скучала по Арбату, по старой школе и друзьям. Отдельная комната ее совсем не радовала. Новая школа ей совсем не нравилась. Новый класс ее не очень принял.

Но самое страшное событие случилось через полгода жизни в новой квартире – от них ушел папа. К другой женщине, которая, как потом выяснилось, была у него давно.

Сначала Лита просто отказывалась верить, что такое бывает. Когда она была маленькая, она говорила соседям: «Когда я вырасту, я женюсь на своем папе». Больше всех на свете она любила его. Самыми счастливыми были походы в зоопарк или еще куда-нибудь, не важно куда. Главное, чтобы рядом был папочка. А он ушел.

Он был очень мягким. Он никогда не возражал маме, ни в чем. У них никогда не было скандалов. Лита знала о том, что люди могут выяснять свои семейные отношения, только потому, что они жили в коммуналке и соседи периодически ругались. И вдруг папа ушел. Он, может быть, никуда бы и не ушел, если бы в один прекрасный день мама случайно обо всем не узнала. Она сказала: «Уходи». И он ушел. Он никогда не возражал маме, ни в чем.

Потом Лита с папой ходили мрачными весенними вечерами по улицам, и он пытался ей объяснить, что поступить по-другому было невозможно. Но она упорно не понимала. «Понимаешь, мама никогда не любила меня!» – восклицал он. Нет, она не понимала.

Постепенно встречи с отцом прекратились, за ними последовали телефонные звонки, которые становились все более дежурными: «Как в школе?.. Не болеешь?» Часто после таких звонков ей хотелось плакать, но у нее не получалось. Она вдруг обнаружила, что разучилась плакать. Совсем.

\* \* \*

На Гоголевском бульваре падали листья. Кремпа не было. То ли он ее не дождался, то ли еще не пришел.

Лето кончилось. Лита ненавидела лето. Осень она тоже не любила. Любила только весну, и то ее начало. И зиму немножко. Потому что в детстве любила Новый год. Но это было давно.

Лита села на лавочку и стала смотреть на солнце через ресницы. Солнце было не такое, как летом, и уж совсем не такое, как в Крыму недавно. Впрочем, солнце в Крыму она помнила совсем чуть-чуть. На пляж они ходили ночью. А так все время куда-то переезжали, играли, с кем-то пили, пели, снова пили. Лита вспомнила мальчика, который ходил за ней и говорил: «Я понял, ты – реинкарнация Дженис Джоплин». «Пипл, – сказал ему наконец Кремп, когда мальчик их уже достал, он больной был, что ли, или просто никогда не выходил из состояния нирваны, – отстань от Литы. Дженис Джоплин была лесбиянкой». – «Да какая разница, – грустно сказал мальчик. – У Литы ее голос...»

Странно, солнце она плохо помнит, а море помнит. Синее. Значит, днем она все-таки видела море. До этого на летнем море она была с родителями сто лет назад. Потом в прошлом году была зимой. Зимой ей больше понравилось, чем летом. А в этот раз они с Кремпом доехали до Крыма без денег, путевок и билетов.

А на Мангупе, кажется, моря не было. Точно, когда она хотела пойти поплавать, ей кто-то объяснил, что до моря отсюда километров двадцать. Зато там был Фредди Крюгер. Так звал его Кремп. Хотя на «убийцу с улицы Вязов» этот человек совсем не был похож. Он был таким уставшим интеллигентом с музыкой на первом месте и портвейном на втором.

Лита слышала об этом Крюгере раньше. Слушала на ободранной кассете его песни с какого-то квартирника. Кассету дал ей Кремп, рассказав заодно байку, как какое-то время назад у этого Федеи – на самом деле его звали Федя, Лите показалось это ужасно смешным – был роман с дочкой партийной начальницы. Дочка партийной дамы сбежала к нему из дома, бросила учебу в институте и стала носить фенечки. Начальница подняла всех на уши – в результате Фредди чуть тогда не посадили. Как-то чудом ему удалось скрыться и отсидеться, пока все не утихло. Кстати, с этой дочкой он расстался через два месяца – и не из-за могущественной мамы, а просто потому, что он так захотел.

Но Лите все это было не очень интересно. Песни – вот что ее поразило. Ни на что не похожие песни. И играли с этим Федей Крюгером потрясающие музыканты. Лита готова была биться головой об стенку – как ей нравилось то, что они делают. И вот она встретила их на Мангупе. Там была безумная тусовка, и поначалу она боялась к ним подойти. Но выпито было немало, и Лита что-то пела... Оказалось, Крюгер это слышал. Потому что потом так получилось, что они курили вместе, и Лита потихоньку присматривалась к нему, а он вдруг сказал – она специально вокруг посмотрела, кому это он говорит, оказалось, что ей: «Вы как из Америки шестидесятых. Я на русском языке такого никогда не слышал».

И Лита оказалась в безвоздушном пространстве – так с ней случалось, иногда совершенно не вовремя, и из этого состояния было только два выхода – впасть в ступор или все-таки что-нибудь сделать через себя. И тогда, чудом избежав ступора и глядя в прекрасное крымское небо, она спросила: «Но вам же не нужна солистка?» На что он вдруг ответил: «Как знать».

Больше Лита с ним не разговаривала. На следующий день Кремп сказал, что у него есть московский телефон и адрес Крюгера, и тот их приглашал.

Там, в Крыму, все было какое-то нереальное. Какое-то «наступление яблочных дней».

И вот сегодня они должны были встретиться с этим Фредди у него дома, в Москве. Адрес и телефон, написанный им самим на какой-то бумажке в линейку, лежал у Литы в ксивнике – она забрала этот листочек у Кремпа, потому что он бы обязательно его потерял. Они договорились без пятнадцати шесть пересечься на Гоголях и вместе поехать. Сейчас было уже полседьмого. Кремпа не было.

Лита с гитарой в холщовом чехле наперевес походила кругами вокруг памятника Гоголю, потом постояла, разглядывая что-то на лице у Николая Васильевича, и быстро пошла к метро. Она решила, что поедет к Крюгеру одна.

\* \* \*

Меньше чем через год после ухода отца мама устроилась на хорошее место, завела себе каких-то элитных знакомых – дефицитные лекарства нужны были всем.

Для Литы же с четырнадцати лет жизнь стала невыносимой. Особенно новая школа, в которой она должна была хорошо учиться. Она не вписалась в класс, с первого же дня влипнув в конфликт с его лидером, девочкой по имени Алиса. Этим она заслужила себе независимость и одиночество. Друзей у нее здесь не было.

Этот седьмой класс Лита еле пережила. Оказалось, что жизнь – это вопросы без ответов, самый главный из которых: почему со мной все не так?

В четырнадцать лет были в жизни небольшие просветы – например, книги, которые она читала по несколько килограмм в неделю, или подружка детства, Манька. Они жили на Арбате в соседних домах, учились раньше в одном классе. Манька была единственным Литиным другом.

Ну и еще пара подружек была в музыкалке. И вот однажды одна из них, презрев фортепиано, на новогоднем чаепитии спела под гитару Окуджаву. После этого Лита, узнав несколько аккордов и выпросив у подружки на две недели гитару для тренировки, стала учиться играть – с перебинтованными пальцами, периодически впадая в отчаяние. Ей было очень нужно научиться. Потому что втайне от всех она писала музыку. На чужие стихи – брала их из толстой, раздобытой мамой в обмен на лекарства книги «Поэты Серебряного века». Читала и чувствовала, что вот для этого стихотворения может придумать музыку. И придумывала. И стихи начинали в этой ее музыке жить. Только чтобы их спеть, пианино не годилось. Нужна была гитара.

Лита попросила маму подарить ей гитару на день рождения. Было тут же поставлено условие: седьмой класс закончить на одни пятерки. Ну, максимум с двумя четверками. Условие было выполнено, гитару она заслужила.

Дальше все лето, сидя в душной Москве (мама хотела отправить ее в пионерский лагерь, но наконец-то Лита смогла категорически отказаться, из-за чего мама не разговаривала с ней три дня), она часами по добытому у знакомых самоучителю училась играть и, закрыв все форточки, чтобы, не дай Бог, какие-нибудь соседи не услышали, пела. Сначала она подобрала несколько песен Окуджавы, которого слушала все детство, потому что папа его любил. Потом Хлебников и Бальмонт зазвучали под гитару. Потом она написала несколько стихов сама. Родила музыку к ним. К концу лета она играла уже очень хорошо. Но слушателей у нее не было – Манька исчезла куда-то, все лето Лита не могла до нее дозвониться. А маме она не спела бы свои песни и под угрозой расстрела.

\* \* \*

Когда они встретились с Манькой после лета, осенью восьмого класса, случилось то, чего Лита так боялась – Манька стала какая-то другая. Она очень скупно рассказывала о новых друзьях и вообще вела себя как человек, перешедший в новое качество. Лита с отчаянием поняла, что нить их дружбы почти порвана – и эту нить нужно срочно, пока есть возможность, спасти. Мало того, ей показалось, что это «новое качество» – результат какой-то новой Манькиной жизни, в которой Лите тоже должно было быть место. И тогда Лита сделала первый шаг к этой новой жизни – спела Маньке свои песни.

– Это действительно твое? – потрясенно говорила новая Манька, по-старому глядя на Литу.

Надорванная нить была завязана и стала еще прочнее. Маня курила на балконе, в первый раз обнаружив эту свою привычку, необходимость «нового качества», и восхищенно говорила:

– Слушай, это... это гениально! Я всегда знала, что ты... ну, ты меня понимаешь... У меня просто слов нет.

Теперь Лита имела полное право попросить:

– А ты познакомишь меня со своими друзьями?

На следующий же вечер они пришли с Манькой и Манькиным другом, молодым человеком странного вида, в большую квартиру. Там были люди, которые общались совсем не так, как Литины одноклассники. Ничего особенного они не делали, просто пили и разговаривали, но все отношения, как Лита сразу поняла, были по принципу «раз ты здесь, значит, ты – пипл,

а раз ты пипл, значит, ты не чужой». Лита так надоело быть всем чужой, что она сразу и безоговорочно вошла в систему. Это было первое, ради чего она готова была перенять весь этот образ жизни. Второе – песни со старых кассет, от которых за два метра пахло куревом, было зачеркнуто «Алла Пугачева», «Александр Дольский» и торжественно Манькиной рукой нацарапано «Битлз». Жизнь обретала цвет и звук.

\* \* \*

В начале восьмого класса мама ничего не замечала. Пока ей не позвонила классная Зинаида Петровна и не сказала, что ее дочь много прогуливает. Был большой скандал, во время которого Лита заявила, что она после восьмого класса пойдет работать уборщицей, а на школу ей плевать.

Постепенно выяснилось, что Лита снова стала общаться с отцом, он давал ей деньги, и она покупала себе странную одежду в комиссионках. В детстве она боялась выглядеть смешной. Сейчас стала выглядеть смешной специально.

Невзирая на школьное возмущение, она заявлялась в школу в рваных джинсах и старом растянутом свитере, с распущенными волосами и в хайратнике. Иногда нацепляла на голову шляпу или даже откопанную где-то тубетейку. Ее выгоняли, водили к директору, пугали милицией, дома были страшные скандалы – но Лита была непреклонна.

Она начала петь в переходах. Сначала одна. Страшно было только в первый раз. Потом она перестала замечать вокруг себя людей. Она слушала, если удавалось стрельнуть у кого-то кассеты, записи западных джазовых и рок-певиц, но пела именно так, как хотела сама. Иногда, когда она пела, очень спешащие по переходу прохожие останавливались.

\* \* \*

Первый настоящий шок мама испытала, когда ей позвонили из милиции, куда забрали Литу с какой-то тусовки. Весь ужас был в том, что ее дочь была совершенно пьяной.

Однажды она не пришла ночевать домой. На следующий день позвонила, сказала, что придет завтра, и бросила трубку. На третий день явилась как ни в чем не бывало. Бедная мама накинулась на нее, кричала и в конце концов обозвала Литу «шлюхой». С этого момента их отношения сломались окончательно.

Восьмой класс отличница закончила с кучей троек, шокируя учителей. Ее еле взяли в девятый – только потому, что мама умудрилась уговорить директора. «Вашу хиппи нужно в детскую комнату милиции на учет ставить, а не в девятый класс», – сказала ей директор. И все-таки Литовченко оставили в школе. Но ей это было как будто все равно. Ее уже знали немножко на Гоголях, Арбате и даже в питерском «Сайгоне». Это было важно. А не какая-то там школа.

Она делала все, чтобы быть не такой, как все. Могла станцевать рок-н-ролл на сиденье в автобусе. В тридцатиградусную жару ходила в черной куртке с длинными рукавами, а в мороз надевала плащ. В час пик в толпе могла во все горло начать что-нибудь петь. Одна во всем классе не вступила в комсомол. Выходила через окно и курила на переменах. Заставила себя презирать мнение одноклассников. Она как будто ничего не боялась. Несколько раз ее забирала в милицию. Один раз она получила сотрясение мозга – их били те, кто ненавидел пацанов: не важно, какого те были пола и возраста. Полежав с сотрясением мозга в больнице, Лита не перестала везде ходить в хипповском прикиде, обращая на себя внимание. Только остригла чуть покороче свои длинные волосы. На вопрос мамы «зачем?» лаконично объяснила, что длинные волосы удобно наматывать на руку и бить головой об асфальт, а с короткими так не получится.

Вообще это был вызов миру, в котором «все, кроме рок-н-ролла, ложь».

Только внутри она оставалась все той же девочкой, которая больше всего на свете хотела ходить с папой в зоопарк.

\* \* \*

С Кремпом они познакомились в начале Литинового девятого класса. Ей было шестнадцать, ему двадцать четыре. Они спели у кого-то в гостях вдвоем – этого было достаточно, чтобы понять, что они могут дальше существовать вместе. Он играл на гитаре и писал стихи. С ним было легко и можно было попасть туда, куда раньше она не попадала – на всякие тусовки.

С Кремпом и его приятелем рыжим Васей Йодом они стали играть на Арбате. Когда Лита какие-то гопники в переходе разбили гитару, Кремп подарил ей свою.

Они репетировали ночами в химчистке, где Кремп работал ночным сторожем. Это была удачная работа. В химчистке можно было петь хоть всю ночь в полный голос – только машины слушали их и иногда отвечали эхом. Машины были живые – днем они стирали и чистили пиджаки и пальто, а по ночам по-человечески вздыхали. Лита много раз это слышала.

\* \* \*

Кремп называл ее Хаска – за светло-голубые глаза, и еще Эллой – из-за Эллы Фицджеральд, после того, как Лита спела ему «Get ready». Когда Вася Йод увидел фотографию Эллы Фицджеральд, он очень смеялся. Потому что, в отличие от Леди Эллы, Лита была худой и бледной голубоглазой брюнеткой с синяками под глазами.

Кремп сочинял стихи, Лита – музыку к ним. Они играли на двух гитарах, Лита пела, Кремп подпевал. Лита даже научила его петь в терцию, только в химчистке у него это получалось, а на улице он почти никогда в эту терцию не попадал. Вася Йод умел играть на губной гармошке, но лучше всего ему удавалось стучать по чему попало. Они даже записали целую кассету песен в Литином исполнении – Кремп добыл откуда-то иностранный диктофон.

Еще Кремп жрал «колеса», которые непонятно где доставал. Лита все это попробовала – что-то еще до него, что-то вместе с ним. Но вместо кайфа ей обычно становилось очень плохо, и все. Поэтому Кремп категорически запретил ей «переводить добро». Лита же через месяц вытаскивания его из подворотен и луж, где он «ловил рыбу», стала прятать от него таблетки – и этим, наверное, спасла его от полного помешательства.

У нее внутри был такой поплавок, который не давал ей погрузиться слишком глубоко. Несмотря на то, что она часто оказывалась в невероятных тусовках, до Кремпа она никого близко к себе не подпускала. Когда появился Кремп, она плюнула и на этот свой принцип. Не потому, что любила его, а просто так. На самом деле она убедилась очень быстро, что постель и все такое – это ерунда. Единственное, ради чего стоило жить, – это музыка.

\* \* \*

Вечер был прохладный, с неба что-то капало, но Лите было все равно. Она медленно шла по улицам, сунув руки в карманы.

Она так и не попала к Фредди Крюгеру. Она простояла минут десять под дверью его квартиры, глядя на звонок. И ушла.

Пусть все остается, как раньше. Пусть они будут снова вымучивать с Кремпом из двух гитар свою туфту, ну еще Вася Йод будет им подыгрывать на губной гармошке и стучать обо все что попало, и пусть они снова будут играть в переходах и на Арбате.

Крюгер – гений, зачем она ему нужна?

Вернувшись из Крыма, Лита снова раздобыла кассету с его песнями. Подобрала две из них. Последние дни пела дома только их. Интересно, понравилось бы ему, как она их пела? Они могли бы сыграть сегодня что-то вместе. Они – вместе! Ведь он же ее позвал.

А она не пошла. «Потому что ты полная, абсолютная дура», – сказала себе Лита.

Она остановилась, закуривая и глядя в фиолетово-оранжевое московское небо – облака в отсветах фонарей. Потом развязала шнурки, сняла кроссовки и встала босиком на влажный асфальт. Дальше она пошла босиком, вглядываясь, чтобы не наступить на осколки. Асфальт был мокрый и холодный, неприятный на ощупь. Но Лита все равно шла босиком.

## Глава 2

\* \* \*

Почти две недели прошло с того дня, когда Лита не позвонила в квартиру музыканта своей мечты. Почти две недели она промучилась. В очередной раз кинувшись к звонящему телефону, она наткнулась на Екатерину Георгиевну, у племянника которой никак не могла забрать несчастные рубль тридцать за лекарство.

Екатерина Георгиевна нервничала, что должна маме деньги, и звонила уже не в первый раз. «Вы знаете, Саша работает и учится, он не может все время к вам ездить. Он уже один раз к вам приезжал, а дома никого не было, хотя он предварительно звонил!» Это была правда, они договорились, но Лита его кинула – в последний момент ей понадобилось срочно уйти. «Позвоните ему сами, пожалуйста, вот его рабочий телефон».

Лита, слегка мучаясь угрызениями совести, позвонила.

Оказалось, он работает неподалеку от места, где Лита собиралась быть в пятницу. Они договорились в три часа около входа в ДК.

Но ничего не получилось. В ДК была выставка одного художника, а какие-то идиоты стали курить прямо на выставке травку. Приехал ОМОН. На маленькой площади перед ДК собралась толпа пиплов. Лита оказалась в центре событий.

Она залезла на парапет, который был вокруг ДК, и стояла там, сунув руки в карманы плаща. ОМОН был с дубинками, Лите совершенно не хотелось попадать ни под дубинки, ни в милицию, тем более что она тут была вообще ни при чем. В какой-то момент она вспомнила про Екатерину Георгиевну и ее племянника, но был уже четвертый час, а к входу в ДК подойти было невозможно.

– Я пацифист, за мир отрываю башку, – кричал какой-то мальчик, стоя рядом с Литой на парапете. Неожиданно с другой стороны, откуда ни Лита, ни мальчик не ожидали, подбежал омоновец и со всего размаха двинул мальчика по ногам дубинкой – выше он не достал.

– Дяденька, вы чего деретесь?! – закричал пацифист.

Следующим ударом омоновец сбил его с парапета.

Лита поняла, что пора бежать. Парапет был довольно высокий. Она прыгнула, но, запутавшись в полах своего длинного плаща, потеряла равновесие и упала. Ударилась она не сильно, но, когда поднималась, не заметила арматуру, торчащую из стены, и со всего маху двинулась об железки лбом и щекой. От сильной боли Лита снова села на асфальт и на несколько секунд перестала соображать, что происходит. Когда она вернулась в реальность, то увидела, что к ней направляются два парня в форме ОМОН.

– Вы целы? – услышала Лита с другой стороны. Она обернулась и увидела студента с рублем тридцать – она узнала его. Ему как-то удалось пробраться.

– Слушай, пипл, скипаем, – еле произнесла Лита, прижимая ладонь к лицу.

Он дал ей руку, помог подняться, и они рванули за Дом культуры.

Вслед им неслось усиленное в громкоговоритель требование очистить площадь – в сочетании с трехэтажным матом.

В сквере за ДК, куда они прибежали, было, кажется, безопасно. Лита рухнула на лавочку, не отнимая руку от лица, и, переведя дыхание, сказала:

– Кажется, скипнули.

– Вы, кажется, ударились...

Лите очень не хотелось убирать руку от лица. Наконец она решилась и посмотрела на ладонь. Там была кровь. Острым краем арматуры она распоролла себе лоб. Слава Богу, хоть не посередине, а сбоку.

– Да, бывает, – пробормотала она, разглядывая руку.

– Так, вот возьмите, это чистый. – Студент порывлся в карманах и протянул ей сложенный носовой платок. – Берите, берите. И пойдёмте ко мне на работу, я здесь рядом работаю.

– У вас там что, медпункт?

– Нет, но какую-нибудь перекись водорода найдем.

– А...

Он смотрел на нее с сочувствием, от которого не было тошно. И говорил как человек, которому небезразлично, что она чуть не осталась без глаза. Литу это купило.

– Ну пойдём, раз ты такой тимуровец, – сказала она, поднимаясь с лавочки.

Они пошли в обход ДК.

– Ты, кстати, случайно не пипл, нет? – спросила она, мельком разглядывая его, когда они прошли молча пол-улицы. Чем-то он был похож.

– Что?

– Нет, ничего. Я забыла, как тебя зовут?

– Саша.

– Лита. – Она протянула левую руку, потому что правой прижимала платок к своей раненой голове. Он остановился и пожал ее протянутые пальцы.

– Саша, вы спасли мне жизнь! Вы – Робин Гуд. Только не забудьте мне отдать эти деньги за лекарство уже наконец-то!.. Как, кстати, поживает ваша тетя? Как ей лекарство, помогает?

\* \* \*

Студент работал неподалеку, в филиале какого-то научного института – Лита не успела толком прочитать вывеску.

– А что там такое произошло около Дома культуры? – спросил он, когда они, проскочив мимо охранника, поднимались по лестнице старого особняка, в котором расположился Сашин отдел.

– А... – рассеянно сказала Лита, одной рукой прижимая к лицу платок, а другой трогая покрашенные зеленой краской стены. Она очень любила такие старые здания. – Да там была выставка одного пипловского художника. И какие-то чуваки забили косячок, прямо там, на лестнице. Ну и выставку закрыли. Менты устроили облаву. Долго еще подниматься?

Подниматься нужно было на четвертый этаж – комната студента располагалась под самой крышей. В комнате было несколько рабочих мест, но из людей уже никого – пятница, короткий день, как объяснил Саша, ища в шкафчике с лекарствами перекись и вату.

Лита пошла мазаться перекисью перед зеркалом в какую-то подсобку.

– Будете чай? – спросил студент.

– Да, я с утра ни разу не ела, только полпачки сигарет. А что это за место?

– Филиал научно-исследовательского института. Закрытое вообще-то учреждение.

– Заметно, – усмехнулась Лита, вспомнив, что когда они проходили мимо охранника, тот печально смотрел в окно. – И что ты тут делаешь?

– Работаю лаборантом. Еще делаю чертежи.

– И что чертишь?

Она подошла к кульману, около которого он стоял. На кульмане был прикреплен лист миллиметровки с тонкими линиями.

– Это твое? – спросила Лита почти восхищенно, разглядывая чертеж. – Вот это да! Какое-то произведение искусства. А я ненавидела в школе черчение. Для меня ровную линию провести всегда было проблемой.

Молодой человек ничего не ответил. Он явно не стремился общаться.

Вообще-то можно было уже и уйти, но Лите ужасно хотелось чаю, а алюминиевый электрический чайник как-то неуверенно шумел и не спешил закипать. Лита, сунув руки в карманы, стала ходить между столами и бесцеремонно рассматривать всякие фотографии, открытки, фигурки и штучки на столах.

– Это что за лепетулечка? – спросила она, разглядывая фото под стеклом на одном из столов.

– Дочка заведующей.

– А... Здесь, кроме тебя, одни женщины работают? Целых раз, два, три, четыре, пять тетенок?

– Да, – ответил он, выкладывая в тарелку печенье.

– А твой стол этот? – Она показала на стоявший в углу маленький стол бедного лаборанта. Он был один без всяких штучек. С бумагами и какими-то книжками.

– Вы угадали, – ответил он, не отрываясь от насыпания сахара из пакета в банку.

Лита остановилась напротив окна.

– Клевый вид. Покурить бы. Где у вас тут курят?

– На лестнице.

– Ты куришь?

– Нет.

Она вышла на лестничную площадку. Вверх вела пожарная лестница. Лита пригляделась, затягиваясь, – люк был не заперт.

– Слушай, а крыша у вас тут есть? В смысле, вылезти на нее можно? – крикнула она ему в комнату.

– Зачем?

– Просто так. Там люк открыт. Ты лазил здесь на крышу когда-нибудь? Я лично очень люблю лазить на крыши всяких старых зданий. Давай? Или я одна.

Он вышел на площадку и в первый раз посмотрел на нее с любопытством. Потом молча зашел в комнату, вышел со стулом. Первая ступенька пожарной лестницы была довольно высоко.

Он постоял немного, посмотрел на люк. Потом поставил стул и перелез с него на лестницу. Лита быстро докурила, не сводя глаз с люка. Лаборант, забравшись по лестнице, аккуратно его открыл.

– Тут чердак.

Лита полезла следом. На чердаке было темно. Она стала зажигать спички и обнаружила дверь на крышу – но на ней висел замок.

– What a pity<sup>1</sup>, – сказала Лита, освещая замок.

– Посвети, пожалуйста. – Лаборант покопался с замком. – Он не заперт. – И он открыл дверь в белый день. Там шел мелкий дождь.

Саша осторожно встал на старое железо. Лита вылезла следом.

Крыша была мокрая и почти плоская. По краю шел бортик, правда, с редкими перекладинами. Но было неопасно. Лита пошла по крыше, взмахивая руками, как птица. Лаборант шел следом. Напротив был дом. Вид сверху на окна и балконы. На одном балконе лежало штук сто зеленых бутылок. Лита закурила и стала молча на них смотреть.

– Четвертый этаж, невысоко, – наконец проговорила она.

---

<sup>1</sup> Какая жалость (англ.).

Она стояла, уставившись на эти зеленые бутылки, потом подошла к самому бортику и взглянула вниз. Внизу шла какая-то женщина.

– Ну как? – вдруг спросила Лита. – Тоска, правда? Ненавижу все это. Серые дома, серый город, серая жизнь. Каждый день одно и то же. Можно сдохнуть. Правда?

Она повернулась к лаборанту и посмотрела ему в лицо. Он молчал.

Действительно, вокруг все было серым. Даже глаза у лаборанта. Серо-зелеными, как море в Крыму зимой.

– Да? – снова спросила Лита.

– Нет, – после некоторой паузы ответил он.

Лита отвела взгляд и снова стала смотреть на бутылки. Она догадалась, что на самом-то деле он понял, о чем она говорит.

– Я вообще-то люблю серый цвет, – вдруг сказал он. – Пойдемте вниз. Чайник, наверное, уже давно кипит.

Они вернулись на чердак, спустились по пожарной лестнице. Когда Лита спускалась, у нее почему-то дрожали руки. С непривычки, наверное.

Потом они пили чай, и Лита болтала без передышки. Ей нужно было как-то заболтать то ощущение, которое у нее возникло на крыше.

– Когда я жила на Арбате, – говорила она, раскачиваясь на стуле, – у меня из окошка можно было вылезти на крышу соседнего дома – он стоял впрытык. Это было очень клево. Лучшее, что есть в доме, это крыша.

– А я всю жизнь прожил на первом этаже двухэтажного дома. И никогда не был на крыше. До сегодняшнего дня.

– В Москве?

– Нет, я жил на Урале. В Свердловской области.

– А... А давно в Москве?

– Второй год.

– И что делаете?

– Учусь в институте на вечернем. И вот тут работаю.

– Ну и как вам Москва?

– Ну, так...

Лита встала и стала ходить с чашкой по комнате. Подошла к его столу. Стала рассматривать книги, которые там лежали.

– Можно? – спросила она, беря верхнюю книгу.

– Конечно.

– А чего тебя в Москву занесло? В Свердловске нет институтов?

Лита стала переключать книги, читая названия. Какие-то умные учебники.

– Есть, – ответил он.

Лита поняла по его тону, что он не рад Москве. Она хотела еще что-то спросить, но тут увидела среди учебников тоненькую сиреневую брошюрку с фотографией на обложке. На брошюрке большими буквами было написано «Знание», а мелкими – «Туринская плащаница. Чудо или научная загадка?».

– Что это?

– Книжка про Туринскую плащаницу. Мне сегодня дали почитать.

– Что такое Туринская... что?

– Изображение Христа на ткани.

– А... Это Христос? – спросила Лита, показывая на фотографию.

– Да.

Лита аккуратно положила книжечку на место.

– Можно мне потом тоже почитать?

- Это не моя, но я спрошу. Я думаю, да, конечно.
- И на кого ты учишься?
- На инженера.
- А...
- Я вообще-то меньше всего хотел бы быть инженером.
- Да? А кем бы хотел?
- Лесником, – вдруг сказал он.
- Кем?? – Она уставилась на него, подняв длинные брови.
- Он перевел разговор:
- А вы чем занимаетесь?
- Отбываю срок. В десятом классе.
- А это? – Он кивнул на ее запястья, на каждом из которых было штук по десять разноцветных фенечек.
- А это – жизнь. Система.
- Что?
- Да так, не важно.
- Допив чай, Лита пошла к зеркалу и стала смотреть на свое раненое лицо.
- Да, надо же было так влипнуть. Но вообще-то можно сделать так... – Она прикрыла часть лица прядью волос. – Вот.
- Еще минуту себя поразглядывала.
- Слушай, а зеленки у вас тут нет?
- Зачем?
- А намажусь зеленкой. Наверное, будет не так стремно.
- Что?
- Зеленку дай, пожалуйста.
- Он подошел к шкафчику с лекарствами, порылся.
- На, – сказал очень удивленно.
- Лита взяла ватку, открыла зеленку, перепачкав все пальцы, и аккуратно, почти не морщась, намазала себе лицо.
- Вот, – сказала она. – Так лучше?
- И тут он наконец улыбнулся, посмотрел на нее почти восхищенно и ответил:
- Потрясающе. Правда.
- Ладно. – Лита сделала серьезное лицо. – Все, я пошла, спасибо.
- Через пять минут они молча спускались по старой лестнице.
- Я просто первый раз вижу, – вдруг сказал он, когда они уже подходили к первому этажу, – чтобы девушка мазала себе лицо зеленкой...

\* \* \*

- Они вместе шли до метро. Толпа у ДК почти рассосалась.
- До Москвы, – сказал Саша, глядя на площадь, – я в толпе ходил только с флажками на демонстрацию.
- Смешно, – отозвалась Лита. – Да, деньги мне срочно отдай, а то твоя тетя все мозги мне проела, когда звонила: «Саша учится в институте, Саша работает, он очень занят». Ты правда так занят?
- Нет. – Он достал из кармана деньги.
- А на Урале хорошо? – вдруг спросила Лита.

На самом деле странно было узнать, что он с какого-то там Урала. Он совсем не был похож на провинциала. У него был как раз довольно московский, скорее даже питерский, интеллигентный вид. Недаром Лита приняла его за пипла.

– Смотря где.

– Ты правда хотел быть лесником или это шутка?

– Правда.

Она подумала, что он еще что-нибудь про это расскажет, но он молчал.

Один вопрос вертелся у Литы на языке, наконец она решила его задать.

– А у тебя есть еще какие-то книжки вроде той, про... не помню названия.

– Туринскую плащаницу?

– Ну да... Евангелие, например.

– Да, Евангелие есть.

– Есть? Здорово. А ты в Бога веришь?

Наверное, очень глупо было так спрашивать человека, но Лите очень хотелось это у него узнать.

Он помолчал, потом ответил:

– Скорее да, чем нет.

– Везет. А откуда у тебя Евангелие?

– Друг подарил. Мы вместе учились в институте.

Они прошли еще оставшиеся сто метров до метро молча. Вдруг он сказал:

– Он недавно ушел в монастырь.

– Ну ни фиги себе...

– Тебе в метро?

Пока Саша доставал проездной, Лита очень профессионально прошла через выпрыгивающие заграждения, просто придержав их руками, без всяких пятачков. Тетушка из стеклянной будки даже ничего не заметила – она, правда, смотрела в другую сторону. Зато Лита поймала короткий взгляд студента с Урала, в котором было не то чтобы снова восхищение, но, по крайней мере, любопытство.

В вагоне она уселась на единственное свободное место, не вынимая рук из карманов плаща и закрыв глаза. Как бы не замечая, что по крайней мере половина пассажиров ее рассматривает. Девушка с зеленкой на лице.

Через две остановки Лита выходила. Студент ехал дальше.

– Привет, – сказала ему Лита, подняв на прощание руку.

Он кивнул в ответ.

Она шагнула на платформу, но вдруг, что-то вспомнив, обернулась.

– Стоп, слушай, а книжка? Ты мне обещал книжку!

«Осторожно, двери закрываются. Следующая станция...»

– Спокойно, – Лита уперлась рукой в дверь, не давая ей закрыться.

– Я тебе передам... Где и когда? – спросил он, уперевшись рукой в другую дверь.

Лита стала сообщать, где и когда. Двери не могли закрыться. Поезд стоял. Ситуация была идиотская.

«Отпустите двери!» – закричал в микрофон машинист. Весь вагон смотрел на них с негодованием. Пауза продолжалась несколько секунд. Наконец Лита сжалась над всеми:

– Мы по воскресеньям днем иногда играем на Арбате. Приходи. Часа в три. Придешь?

Ну, привет.

Она отпустила дверь и сделала пионерский салют. Он отпустил свою половину. Двери захлопнулись.

– Больные, – громко сказал пассажир средних лет, глядя на Сашу.

Поезд постоял еще две секунды и нерешительно тронулся. Лита так и стояла с салютом.

\* \* \*

Лита открыла, что нужно искать место, чтобы напротив была стена, от которой бы отражался звук. Тогда на улице было лучше слышно.

На улице Лита свои песни не пела. Свои песни она берегла для всяких сейшенов. На улице они с Кремпом пели что-нибудь с драйвом и известное. От русского народного до Битлов. Или иногда не совсем известное большинству москвичей – ту же Дженис Джоплин или Баэз. У них в школе был сильный английский, поэтому Лита без особого труда разучивала со слуха эти песни. Кассетами ее снабжал в основном Кремп. Где он их брал, Лита не знала, но они регулярно переписывали что-нибудь с магнитофона на магнитофон. Два магнитофона, его и Литин, один провод и чистая кассета, которые дарил Лите папа, – все, что было нужно. Дальше часы прослушивания. Дальше она подбирала то, что ей нравилось. Потом с Кремпом и Васей они репетировали. В результате репертуар у них был немаленький.

Лита любила петь на улице. Несмотря на то, что милиция их иногда гоняла. Несмотря на осень, когда руки минут через сорок начинали ныть от холода. Ей нравилось, что собиралась случайная толпа – и ее можно было вогнать в состояние всеобщего кайфа. Лита почти не боялась этого. Когда получалось и ее ощущения переходили к другим, она уже ничего не боялась.

В это воскресенье они пели на Арбате. Лита втайне надеялась, что вдруг Фредди Крюгер окажется тут. Но нет, никакого Крюгера не было.

Закончили они довольно быстро, потому что руки уже отваливались от холода, толпа частично рассосалась, частично перешла в тусовку. Лита сидела на корточках, прислонившись к стене, и крутила в руках сигарету. Надо было встать, чтобы у кого-нибудь прикурить, но сил не было подняться. Чьи-то ботинки подошли и остановились рядом.

– Здравствуйте.

Лита подняла голову. Это был Лесник с Урала.

– Я принес вам книжку.

Это было очень неожиданно. Лита растерялась. Медленно поднялась.

– Вот это да! Вот это клево! Я не думала, что ты придешь.

Он вынул из кармана сиреневую брошюрку.

– Спасибо. – Повисла пауза, потому что у Литы в руках была сигарета, и она не решалась взять эту брошюрку с Христом на обложке. Наконец она засунула сигарету за ухо.

– Это что? – бесцеремонно влез Вася и сунул нос в книжку.

– Ничего, – сказала Лита, быстро беря книжку и пряча в чехол с гитарой. – Да, а как мне тебе ее вернуть? Я телефон твой потеряла.

– Хасочка, пойдем отсюда туда, где тепло, – сказал, подходя, Кремп.

– Кремп, дай ручку с бумажкой.

– Откуда у меня ручка с бумажкой? Я забыл, как это выглядит.

– У меня есть ручка и бумажка, – сказал Лесник.

Он записал телефон и протянул ей.

– Это ваш новый поклонник? – влез Кремп.

– Не слушайте его, он идиот, – сказала Лита Леснику. Кремп, к счастью, на кого-то уже переключился.

– Здорово, спасибо. – Лите хотелось еще что-нибудь ему сказать. Или спросить.

– Ну ладно, я пойду, – сказал он.

– Ну давай.

– Ты очень здорово поешь, – вдруг сказал он.

– Ты слышал?

– Да, я давно пришел... – Он как будто еще хотел что-то добавить. Лите, по крайней мере, так показалось. Но он сказал только: – Пока.

И пошел к метро по серому Арбату. Ни разу даже не обернулся. Лита специально смотрела.

## Глава 3

\* \* \*

У Литы в старой школе была странная учительница математики. Она была больна какой-то неизлечимой болезнью, руки и лицо у нее были изуродованы, периодически на уроках она падала в обморок, говорили, что она должна была умереть пятнадцать лет назад, но жила только благодаря работе. Ее не любили, она была нервная и строгая, но при этом на уроках единственная из всех учителей устраивала пятиминутные перерывы – все закрывали глаза, а она что-нибудь рассказывала. Обычно ничего выдающегося – например, предлагала представить море и расслабиться. Но никто особо не расслаблялся, потому что потом она вызывала к доске и лепила пары.

Однажды – это было классе в пятом – математичка в эту свою пятиминутку вдруг стала рассказывать историю о том, что был такой человек, Иисус Христос, что он делал много чудес, а потом его распяли на кресте, и он умер. А у него были ученики, они его тело украли, а всем рассказали, что он воскрес, и с тех пор считается, что Христос воскрес. Лита в первый раз тогда услышала про это. Эта история ей в одно ухо влетела, из другого вылетела, но в душе что-то осталось.

А потом на день рождения, в двенадцать лет, Лита с родителями поехала в Питер – это, кстати, оказалась их последняя совместная поездка. И в Исаакиевском соборе эта история у нее вдруг всплыла. Маму интересовал тогда маятник Фуко, а Лита поминутно ее дергала и спрашивала про росписи: «А это что? А это кто?» Достала ее до того, что мама, хоть и была любителем искусства, наконец раздраженно сказала:

– Возьми Библию и почитай, если тебе это так интересно.

Потом они, кажется, пошли с родителями в ресторан, но Лита все никак не могла успокоиться.

– А где мне взять Библию?

– Не знаю.

Библию взять было негде.

\* \* \*

В эту мерзкую погоду в школе было даже лучше, чем на улице. Но сегодня она не могла не прогулять, потому что была физра, а физрук над ней просто измывался. Полдня она провела в книжном магазине, греясь там и заодно читая все подряд. Потом магазин закрылся на обеденный перерыв, но еще и до перерыва продавщицы стали смотреть на Литу подозрительно, все равно надо было уходить.

Она стала бродить по улицам, сунув поглубже руки в карманы своего негреющего плаща. От дождя ее спасала дурацкая шляпа с широкими полями, которую дала поносить Манька. В этом прикиде – черном плаще и шляпе, и еще из-под шляпы свешивались длинные волосы, которые загораживали две трети лица, – она была похожа на старуху Шапокляк в молодости. Так ей вчера сказал Вася Йод.

Лита думала про Лесника. «Ты веришь в Бога?» – «Скорее да, чем нет». «Друг ушел в монастырь». Как-то это все интересно. Лита до него не встречала ни одного человека, который на вопрос о Боге отвечал хотя бы так. У Кремпа много было всякой фигни про карму, но все это было не то.

Ей очень хотелось с кем-нибудь поговорить об этом. Была какая-то каста избранных, которая про это знала и понимала. Но никто из этой касты ей не встречался.

В тринадцать лет она прочитала «Мастера и Маргариту», маме по благу кто-то дал. И после этого снова стала думать о Христе и о смерти.

На самом деле о смерти она думала все время. В четырнадцать лет ходила по улицам и обдумывала, как ей повеситься. Потом был просвет на год с небольшим. А потом как будто ничего сильно не изменилось, но у нее – она даже не заметила, когда это началось, – появилось странное ощущение, что внутри как будто выключили свет.

Только иногда во сне она слышала невероятную музыку. И днем пыталась родить хоть какие-то ее отблески. Иногда как будто удавалось. Но все равно все чаще ей хотелось заняться медленным самоуничтожением вместе с Кремпом. Однако внутренний предохранитель не давал так просто взять и закончиться.

В результате Лита оказалась в подростковом отделении психиатрической больницы, куда ее положила мама, потому что к концу девятого класса Лита почти перестала спать, есть и разговаривать. Почему-то любое действие, которое нужно было совершить, казалось ей таким трудным и невозможным, что она впадала в оцепенение и не делала ничего. Она становилась замороженным деревом.

После больницы свет не свет, но какое-то мутное освещение внутри все-таки включилось. Иногда в этой мути были вспышки – яркие и короткие, – и после них становилось еще темнее. Как сейчас.

Нужно было вернуть этому Саше брошюрку о Туринской плащанице, где с полунаучной точки зрения обсуждалась подлинность личности Христа. Научно обоснованная тайна.

Лита прочла эту книжечку два раза и таскала в сумке уже несколько дней.

\* \* \*

Охранник сегодня был другой, тот смотрел в окно, а этот уставился на Литу.

– Вы к кому?

– Я? К Саше. Он работает на последнем этаже. Он лаборант.

– Фамилия как?

– Моя?

– Его!

– Не знаю... Он еще чертит.

– Номер комнаты хотя бы какой?

– Не помню... Там еще лестница на чердак рядом.

– Твою бабушку... Девушка, можно поконкретнее? Вы по какому вопросу?

– Я? – Лита замолчала. Она не знала, что ответить.

Охранник почесал голову, подумал, посмотрел на нее, вздохнул и позвонил кому-то, спросил, какой номер комнаты возле пожарной лестницы. Потом еще куда-то позвонил и сказал Лите:

– Сейчас выйдет.

Лита уселась на подоконник. Вокруг стояла куча стульев, но на подоконнике было теплее. Лита вспомнила, что у Кремпа были стихи, посвященные теплым батареям.

К выходу прошли, разговаривая, несколько женщин. Одна из них посмотрела на Литу как на городскую сумасшедшую. Ну конечно, видок у нее был еще тот. Может, лучше слинять, пока не поздно?

Но было уже поздно. Она увидела, что Саша спускается по лестнице. И смотрит по сторонам, потому что он же не знает, кто к нему приперся.

– Привет, Лесник! – закричала Лита на весь вестибюль. И все, кто был неподалеку, человек десять, повернулись и стали на нее смотреть. Лита тут же пожалела, что так завопила, но останавливаться было не в ее правилах, и она снова крикнула на весь вестибюль: – Я принесла тебе твою книжку!

Интересно было, удивился он или обрадовался, или, может, ему жутко стыдно, что к нему зашла юная старуха Шапокляк? Но по нему ничего нельзя было понять.

– Я тут прогуливаю школу, – быстро заговорила Лита, когда он подошел к подоконнику, – а на улице холодно. Вот книжка, в целости и сохранности.

– Привет. Спасибо.

– Я посижу тут немножко? Очень теплый подоконник...

Тут повисла короткая пауза, и Лите захотелось сказать: «Мне очень хреново все время, мне некуда идти, я не знаю на самом деле, что ты за пипл, но мне очень хочется посидеть тут и поговорить про что-нибудь. Хоть про что-нибудь...» Но она, конечно, ничего этого не сказала. Зато он, подумав пару секунд, вдруг очень вежливо предложил:

– Так, может, пойдём к нам наверх? Чай будешь?

Лита не знала, соглашаться ей или нет: хотелось чаю, но она предполагала, что сейчас все Сашины сотрудницы на месте, и это было стремно. Никто ведь не знает, что на самом деле она робкая и стеснительная.

В этот момент к ним подошла девушка. И, посмотрев на Литу, громко спросила:

– Саш, ты сегодня в институт поедешь?

– Да...

– Ты не забыл, что у нас завтра колонок по физике?

– Нет...

– Ты мне обещал помочь. Помнишь? Я тебе позвоню вечером. – И пошла к лестнице.

Так показывают, что это вообще-то мое.

Девушка, судя по всему, работала здесь.

«Елы-палы, – с тоской подумала Лита. – Везде одно и то же». И вслух сказала:

– Не, к вам я не пойду.

– Тогда подожди две минуты. Не уходи. – Он быстро пошел вверх по лестнице.

Лита послушно осталась сидеть.

\* \* \*

Он вернулся с чашкой чая и двумя конфетами. Сел рядом с ней на подоконник. Чай был не очень горячий, Лита пила его, грея руки о чашку. Она пила, он просто сидел и смотрел в окно. Молча. Лита еще в первый раз заметила: с ним было несложно молчать. Но при этом не покидало ощущение, что он был как будто за стеклом. Причем не очень прозрачным.

– Ну ладно, – сказала она, допив чай. – Спасибо. Пойду дальше прогуливать.

– Подожди.

– Что?

– Знаешь, я в принципе сейчас хотел уйти. Хочешь, можем заехать ко мне. Попьешь нормального чаю. Даже суп есть. Потом я, правда, должен ехать в институт. Но время есть.

Лита оторвалась от чашки, в которой разглядывала дно, и прямо посмотрела на него. Нельзя сказать, что до этого она его не видела толком – видела, конечно, но она давно замечала, что лица имеют странное свойство: первое впечатление почти всегда не такое, какое открывается через некоторое время. И если сначала она видела просто хорошего человека, вполне благополучного и приятного, то сейчас вдруг поняла, что этот человек совсем не так благополучен, как старается показать, что вся его доброжелательность дается ему большим усилием, и глаза у него невеселые, хотя и прекрасные, это она еще на крыше заметила.

Лита пожала плечами:

– Мне все равно.

– Это здорово, – ответил он, беря у нее пустую чашку. – Тогда пойдем.

## Глава 4

\* \* \*

Лита, кажется, бывала в этой квартире у Екатерины Георгиевны. Они ведь были знакомы с ее мамой. Маленькая такая двухкомнатная квартирка. Сама Екатерина Георгиевна была на работе.

Лесник пошел ставить чайник и что-то там разогревать на кухню, а Лита в комнате села на стул и стала смотреть на книжную полку, туда, где стояла черно-белая фотография женщины. У Лесника были ее глаза, это точно. Без сомнения, это о ней, когда они сейчас шли к метро, он сказал, что она попала под поезд четыре года назад.

Лита невольно вывела его на этот разговор. На самом деле ей хотелось поговорить с ним про то, что она прочитала в сиреновой брошюрке, но нельзя же было вот так в лоб об этом спрашивать. Поэтому она начала издали и спросила что-то про родителей – типа, они там на Урале, а ты тут с тетей? А он вдруг сказал, что на Урале у него осталась только сестра, отца у него нет, а мама погибла, попала под поезд.

Лита не знала, что в таких случаях надо говорить, поэтому тупо, как ей показалось, спросила:

– Как это?

– У нас там железная дорога почти через поселок проходит, через нее есть мост. А она в тот день торопилась, пошла через железку не по мосту. А там поворот, и поезда не видно, а если ветер, то и не всегда слышно...

– Сколько тебе тогда было лет?

– Шестнадцать.

Потом они спустились в метро, и уже нельзя было разговаривать на такие темы, потому что в метро, чтобы слышать, нужно либо кричать, либо стоять очень близко, а они стояли далеко и молча, а когда вышли, уже как-то не получилось вернуться к этому разговору. И сейчас Лита сидела и смотрела на фотографию. Красивое и необычное лицо... Попала под поезд...

Лесник вошел в комнату и, похоже, заметил, куда она смотрит, но ничего не сказал, и она ничего не спросила, а переключилась на стоящий здесь же кульман с прикрепленной миллиметровкой.

– Слушай, как это у тебя получается? – спросила она, разглядывая чертеж.

– Попросят помочь. Платят за это. Это вот к кандидатской диссертации одной девушки.

Многие не любят чертить.

– А ты любишь?

– Вообще мне карандашом больше нравится рисовать, и не по линейке.

– Ты рисуешь?

– Немножко, как все.

– Почему, как все? Я вот, например, совершенно не рисую.

– Зато ты поешь как художник, – вдруг сказал он и вышел из комнаты.

– Что?

Он вернулся со свитером.

– Вот, это из верблюжьей шерсти. Очень теплый. Советую не отказываться и надеть под ваш плащ. Мама моя вязала когда-то.

Лита взяла свитер.

– Спасибо. У меня вообще есть теплая куртка. Завтра ее надену и свитер верну... А с чего такое гостеприимство?

– Ну просто если человек не хочет идти домой, а готов часами ходить в холод по улицам, значит, ему нужен теплый свитер. Пойдемте есть суп.

\* \* \*

Суп был правда очень вкусный. На самом деле Лита терпеть не могла есть с малознакомыми людьми. Но с Лесником это было не очень стремно.

– Интересно, а чертить можно научиться или это такой талант?

– Не знаю.

– А ты сразу поступил в этот твой мати, мути, миу... как его там...

– Нет, я приехал поступать в Суриковское, – вдруг сказал он.

– Куда?

– В Суриковский институт.

– Куда? Ты же хотел быть лесником. И при этом приехал поступать в Суриковское?

– Да.

– Значит, ты все-таки рисуешь...

– Не знаю.

– Ты приехал поступать – и провалился? Понятно, в Суриковское просто так мальчики с Урала не поступают. Ты не сдал экзамены?

– Я даже не стал их сдавать.

– Почему?

– Ну, увидел тех, кто пришел поступать. Такие мальчики и девочки с мамами и папами. Еще нужно было принести свои работы.

– Ты принес?

– Принес.

– И?..

– Потом увидел, какие работы принесли другие...

– И?..

– И. Положил свои рисунки под лестницу и ушел.

– Как? – Лита положила ложку. – Оставил и ушел?

– Ну да. Порвать и выбросить я не смог.

– Там были все твои рисунки?

– Нет. Но мне казалось, что лучшие.

– Так... Елы-палы... А сейчас ты рисуешь?

– Да, иногда.

– А... можешь что-нибудь показать? – очень осторожно спросила Лита, боясь не тех интонаций.

– Могу, – сказал он. – Только вы должны доест суп.

– Ты прям как моя бабушка... Где ты учился рисовать?

– Нигде. Но я все время рисовал. В интернате, кстати, это вообще очень пригодилось.

– Где?!

– Ну, мама умерла, меня отправили в интернат. Потом через полгода сестра оформила надо мной опеку, я вернулся.

– Когда я лежала в психушке, у нас там были девочки из московских интернатов. Представляю себе, что такое провинциальный... Ой, извини, я не предупредила, что я лежала в психушке.

– Я догадался...

– Что-о? – рассмеялась Лита. – Я произвожу такое впечатление?

– Нет, извини... Нет, я имел в виду, что тетя, когда вся эта эпопея с лекарством тянулась, что-то говорила про дочку Ольги Ивановны, про тебя то есть, как я понимаю, что... ну, что-то про больницу.

– А... Да, представляю, что она про меня говорила. Но ты ей не верь. Хотя... можешь верить... Так вот, девочки из московских интернатов... Как-то сложно тебя в этом представить.

– Тебя в психушке тоже сложно представить.

– Ну вот и хорошо. Покажи, плиз, рисунки.

Он ушел, вернулся с папкой, молча сунул ей и снова вышел из кухни.

Лита раскрыла папку. Рисунков было немного. В основном на небольших листах. Карандашом. Лита ничего не понимала в рисовании, но в красоте кое-что понимала. Это было очень красиво. Такие легкие линии – люди, дома, животные, деревья. Очень просто и изящно. Вот город – дома, дома, больше ничего, какое-то каменное одиночество.

– Слушай, – сказал он, входя, – мне нужно ехать в институт.

– Да, конечно. И много этого осталось под лестницей?

– Да не важно.

– Как все-таки странно сделаны люди, – сказала Лита, рассматривая рисунок, где были холмы вдаль, какие-то строения и домики. – Это место, где ты жил?

– Да.

– Ты вместо Суриковского пошел в этот свой институт?

– Ну да.

– А при чем тут лесник, я не поняла...

– Это вообще другая история.

– А все-таки?

– А все-таки... У меня был друг, Илья.

– Это тот, который в монастырь ушел?

– Нет. Другой. Просто там, где мы жили, единственным нормальным местом был лес. А у Илюхи папа был лесником.

– Настоящим?

– Абсолютно. Они жили в сторожке, папа каждый день возил Илюху в школу на таком раздолбанном уазике. Я у них почти все время проводил. И тогда решил стать лесником. Пойдем, я по дороге расскажу...

\* \* \*

И всю дорогу до метро он рассказывал про лес, про то, как ходил туда чуть ли не с младенчества.

– Там у нас карьеры есть заброшенные. Мы там камни всякие собирали. У нас у каждого такая коллекция была – не хуже, чем в минералогическом музее. В восемь лет я заблудился. За грибами пошел один. Через два дня вышел к воинской части где-то в глуши.

– В восемь лет на два дня потерялся в лесу? Ты не умер от страха?

– Нет. Мне кажется, я даже не очень испугался.

– Не верю.

– Правда. Если с детства в лесу пропадаешь, не страшно. Ты сейчас куда?

Они подошли к метро. Недалеко от входа стояла тетка и кричала без остановки:

– Горячие булочки с сосисками! Горячие!!!

Зачем-то каждый раз в конце она впечатывала это слово: «горячие».

Лита уставилась на нее. Несколько дней назад она уже видела ту же тетку, и она так же самозабвенно кричала. Лита была потрясена. Оказывается, можно с таким драйвом всю жизнь орать про сосиски.

– Ты сейчас куда?

Лита оторвала взгляд от тетки.

– Никуда... слушай, можно тебя попросить? Можешь позвонить мне домой? Мне нужно понять, дома ли моя мама. Если ответит – можешь спросить меня.

Он вошел в телефонную будку. Лита через разбитое окно продиктовала ему номер.

Пока он его набирал, Лита, глядя в небо, пела:

– Горячие булочки с сосисками. Горячие!

Мама была дома.

– И что теперь?

– Не поеду домой.

Он посмотрел на нее, как будто хотел что-то спросить. Но не стал. Вместо этого после некоторой паузы предложил:

– Хочешь, поедem со мной в институт? Там тепло...

Лита согласилась с видом человека, которому все равно – туда так туда, сюда так сюда.

– И ты про Евангелие спрашивала. Я взял сейчас с собой. Нужно?

\* \* \*

Они снова ехали в метро. Лита, честно говоря, была под впечатлением. Рисунки Лесника-художника, который, не обращая ни на кого внимания, сейчас читал учебник по физике, как-то подействовали на нее. Ну и вообще. Плюс Евангелие у нее в сумке, которое оставил человек, ушедший в монахи...

Но она не хотела, чтоб про нее подумали, что она навязывается. Тем более она вспомнила про девушку у Лесника на работе. Поэтому, как только они приехали в институт и он показал ей уединенный подоконник, Лита быстро и холодно попрощалась с ним.

– Я тут увидела знакомых, – сказала она. – Пойду с ними покурю.

Он ушел на семинар. А она уселась с ногами на подоконник и стала смотреть, как растворялся день за окном. Потом поглядела со всех сторон на Евангелие, не решаясь открыть. Потом поизучала оглавление. Наконец открыла наугад и прочитала: «...Он помазал Меня благовествовать нищим, и послал Меня исцелять сокрушенных сердцем, проповедовать пленным освобождение, слепым прозрение, отпустить измученных на свободу...»

От этих слов сердце у нее почему-то заныло. Особенно от «измученных» и «свободы». Лита поняла, что больше не хочет читать. Больше не вместится. Закрыла книгу и стала думать.

Литины родители были члены партии, хотя не верили в коммунизм. Или нет, папа, кажется, немножко верил. Мама точно нет. Лита с какого-то момента тоже перестала верить. Из-за бананов. Классе в пятом они сидели с одноклассницей на подоконнике возле столовой, ели булочки и болтали. «Я вот не понимаю, как это – не будет денег?» – говорила одноклассница, слизывая повидло. «Ну, – объясняла ей подкованная Лита, – всем будет по потребностям. Будешь приходить в магазин и брать, что тебе нужно и сколько хочешь». – «Я не понимаю, – говорила подруга, – вот привезут в овощной магазин бананы – и все ведь кинутся их хватать, всем же не хватит – а еще и бесплатно...» Лита не знала, что ответить. Действительно, непонятно. Спросила вечером у папы. «Понимаешь, – объяснил он, – бананы будут на всех. Их будет так много, что никто толкаться за ними не станет».

Ага, два раза в год маме удавалось отхватить зеленые бананы, их держали потом в темном шкафу, чтоб дозрели... Проще было перестать верить в коммунизм, чем признать папу дураком. В общем, в коммунизм никто у них почти не верил. А в Бога тем более.

Лита почему-то вспомнила себя маленькой. Она помнила себя с очень раннего возраста. Например, как стояла в детской кроватке с прутьями. Она очень хорошо помнила свои чувства в тот момент – ей было очень тоскливо. По-взрослому тоскливо. Все было то же самое – хоть в год, хоть в семнадцать. Еще она помнила себя в больнице. Сколько ей тогда было? Три, четыре? Она лежала без мамы. Там были и большие девочки, взрослые и далекие, а Лита сама должна была выливать свой горшок. Однажды она пролила все это на себя, и нянечка на нее орала, а Лита беззвучно плакала посреди коридора – она была уверена, что произошло что-то смертельно страшное.

И эта тоска ведь так никуда и не делась. Она как будто ходила за Литой всю жизнь, прячась, и ждала удобного случая – а случаи наступали очень часто. В пионерском лагере. В новой школе. Просто в жизни. Вдруг эта сволочь выходила из тени и говорила: а я тут. И Лита тогда могла только замереть, как замороженное дерево. Больше ничего. А в последнее время эта гадина ее все время ждала у кровати по утрам. Лите было страшно просыпаться. Потому что тоска стояла около кровати и набрасывалась на Литу, как только она открывала глаза. И еще сильнее набрасывалась, если Лита ночевала не дома и просыпалась где-то в чужой квартире. Когда накануне казалось – вот оно, что-то неуловимое, ради чего стоит жить, а потом приходило утро, и оказывалось, что «все прокурено и серо, подтверждая старый тезис, что сегодня тот же день, что был вчера». Короче, жить не стоит ни ради чего.

Лита поняла, что ужасно устала за этот последний год. Она прожила один год, как проживают целую жизнь. Зачем? Ей казалось, что можно было поймать что-то неуловимое. А оно не ловилось. Столько сил было потрачено... Все силы на всю жизнь. И они закончились. Лите иногда казалось, что ей лет сорок, она уже все понимает и знает. И только музыка – это то, ради чего еще можно как-то существовать. Но и тут все очень сложно.

Лита снова открыла Евангелие наугад: «Так и Давид называет блаженным человека, которому Бог вменяет праведность независимо от дел: блаженны...»

Блаженство, блаженство... Все хотят блаженства на самом деле. Поэтому все время влюбляются, ищут кого-то, спят с кем попало. Ищут блаженства...

Лита снова стала смотреть в окно. Ей казалось, что за словами текста скрывается гораздо больше, чем написано. От этого было как-то беспокойно. На самом деле она знала, что такое блаженство. Внутри у нее был домик. И там, совсем глубоко, было очень хорошо. Оттуда, из этого домика, она и жила. Самое лучшее было оттуда. Музыка чаще всего была оттуда. Когда она забиралась туда, ей было не страшно думать. Она редко туда попадала. Но иногда удавалось.

А от брошюрки о Туринской плащанице было как-то беспокойно. Там вроде все конкретно и понятно написано. Научно обоснованная тайна. Но с этим еще нужно как-то разобраться.

\* \* \*

– Девушка, вы тут поселились?

Лита вздрогнула.

Лесник стоял напротив. В куртке, с сумкой на плече – явно уже собирался уходить.

– А что?

– Ну просто уже поздно.

– Все пары закончились?

Елы-палы, получается, что она опять навязывается. Вроде как сидит тут и ждет его.

– Ну да. Скоро тут все закроется вообще-то.

– Ну и хорошо. Тут хороший подоконник.

– Но за ночь он вам надоест. Пойдемте отсюда.

Он сунул руку в карман, чтобы что-то из него достать, и вдруг с удивленным видом вынул вязаную перчатку, которая начала распускаться – длинная нитка тянулась и тянулась. Лита рассмеялась.

– Да, – сказал он, – как в мультике про варежку.

– Это где девочка хотела собаку, а вместо собаки у нее была варежка?

– Да. Ты смотрела?

– Еще бы... Жуткий мультик. Я все детство от него рыдала. Когда она клала варежку на блюдечко и гладила ее, я начинала рыдать и до конца мультика не могла остановиться.

Он как-то странно на нее посмотрел.

– Я тоже все детство хотела собаку, – продолжила Лита. – Девочке, кстати, собаку купили. А мне нет... Ладно, не смотри на меня так, сейчас я точно не буду рыдать. Вот, – она помахала книжкой, – читаю Евангелие.

– Ну и как?

– Не знаю... А ты все читал и все понимаешь?

– Все читал, понимаю не все.

– Но ты же в Бога скорее веришь, чем нет?

– Наверное. Просто, мне кажется, невозможно выдумать Бога, который умер. Значит, это должно было быть на самом деле.

– Да? Интересно. А друг твой здесь с тобой учился?

– Да. В детстве у меня было дерево одно в лесу, которое я считал богом. И ходил ему молиться.

– Ну, это какое-то язычество...

– Не знаю. Я это дерево считал как бы таким местом, где Бог – настоящий. Бред, конечно.

– Не, почему? Очень интересно.

– Мне просто казалось, что в школе, или дома, или на улице – это такая обязательная жизнь, ну, от нее никуда не денешься. Но в лесу жизнь настоящая. Поэтому Бог там.

– А этот твой друг, с чего он в монастырь ушел?

– Захотел. Говорит, что настоящая жизнь там.

– И он не жалеет?

– Не знаю. Пока не вернулся... Мы просто вместе поступали, так получилось, что познакомились при поступлении. Он тогда только собирался креститься. Я крестился с ним, за компанию. Потом он пошел вперед семимильными шагами. А я никуда не пошел... Но он мне книжки всякие давал читать. Правда, я всегда в чем-нибудь сомневался. Хотя на меня подействовала одна фраза... Что Христос – дерево, а человек – ветка. Если ветку прививать к дереву, на дереве нужно делать надрез. Из-за этого дерево все изранено.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.